

Эмилия Балалыкина

Церковнославянизмы в языке А. С. Пушкина

Studia Rossica Posnaniensia 29, 107-115

2001

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМЫ В ЯЗЫКЕ А.С. ПУШКИНА

WORDS OF OLD CHURCH SLAVONIC ORIGIN IN A.S. PUSHKIN'S LANGUAGE

ЭМИЛИЯ БАЛАЛЫКИНА

ABSTRACT. The problem of reformative activity of A.S. Pushkin who used Old Church Slavonic lexis with the stylistic purpose are considered in the article. The examples of active Church Slavonic usage in works of different genres: historical, biblical, satirical, etc. are given by the author of the article. It is shown that this vocabulary is of special importance as a means of organizing satire and humor.

Эмилия Балалыкина, Казанский государственный университет, Филологический факультет, Кафедра современного русского языка, ул. Кремлевская 18, 420-098 Казань – Россия.

Великий новатор русского литературного языка А.С. Пушкин использовал все достижения художественной мысли и литературного языка предшествующей эпохи и одним из первых обратился к богатейшему языковому источнику – народно-разговорной речи. Первая задача, которая решалась в творчестве Пушкина, состояла в новой традиции употребления просторечно-разговорного элемента в художественном произведении, такой традиции, где этот элемент, сохраняя свою стилистическую окраску, свою связь с живой речью, не выводил бы текст за пределы литературности и был бы максимально освобожден от каких-то особых, специфических, характерологических художественных задач¹.

Вторая проблема, которую решил А.С. Пушкин, связана со старославянской лексикой, использование которой, как известно, четко декларировалось определенной нормой еще со времен М.В. Ломоносова. Поэт сохраняет и активно использует этот пласт лексики, придав ему определенные стилистические функции, умело сочетает устаревшие слова с новыми или нейтральными, а иногда и просто с разговорными. При этом под архаизмами понимаются, прежде всего, церковнославянизмы, хотя их следует трактовать, вслед за Г.О. Винокуром, очень широко, относя к этому пласту лексики „все то, что

¹ См.: В.Д. Левин, „Евгений Онегин” и русский литературный язык. В: *Материалы и исследования по истории русского литературного языка*, т. 3, Москва–Ленинград 1969, с. 245.

в каждую данную эпоху для говорящих или пишущих есть специальная принадлежность церковнославянского языка своего времени². К церковнославянизмам обычно относят как старославянские по происхождению, так и общие для старославянского и древнерусского языков слова, использующиеся в церковных сочинениях и вышедшие из живого употребления в литературном языке XIX века³.

В начале XIX века, важном периоде формирования русского литературного языка, исключительно актуальной становится проблема функционирования в тексте церковнославянизмов, поскольку ломоносовская теория „трех штилей” уже устарела, а славянизмы представляли собой богатую лексику с многовековой традицией использования в языке. Признание церковнославянского языка одним из структурных элементов русской литературной речи поставило Пушкина перед вопросом об отборе языкового материала из „славянского” языка. Следуя принципам „соразмерности и сообразности”, Пушкин отказывается от архаичных церковнославянизмов, которые к тому времени уже утратили свою поэтическую выразительность, и обращается к таким церковно-книжным элементам, которые приносили в язык необходимые стилистические и смысловые оттенки.

До Пушкина, как известно, стихи писались „по жанрам”, то есть оды печатались с одами, а баллады с балладами. С появлением А.С. Пушкина эта традиция оказалась разрушенной. На первом месте оказался сам поэт. „Его сочинения никак нельзя издавать по родам, – писал В.Г. Белинский, – как издаются сочинения Державина, Жуковского и Батюшкова”⁴. А.С. Пушкин органично вплетает в ткань произведения необходимые ему словесные элементы, умело совмещая „высокое и низкое”, подчиняя используемые речевые средства высшей творческой закономерности, „единству замысла”.

Одна из наиболее значительных стилистических функций церковнославянизмов, как известно, быть средством создания „высокого”, одического стиля. Поэт прибегает к помощи церковнославянской лексики в тех местах своих произведений, где речь идет о важных для жизни страны или торжественных событиях. Так, при описании величия и значимости города на Неве в поэме *Медный всадник* Пушкин включает в стихотворный текст ряд „высоких” слов, придающих торжественность общему тону повествования:

Прошло сто лет. И юный град, *Полночных стран краса и диво,*
Из тьмы лесов, из топи блат *Вознесся пышно, горделиво.*

То же самое в тех местах поэмы *Полтава*, где речь идет о заслугах Петра I, великого императора и полководца:

² См. Г.О. Винокур, *О славянизмах в современном русском литературном языке*. В: *Избранные работы по русскому языку*, Москва 1959, с. 447.

³ См. Е.Г. Ковалевская, *История русского литературного языка*, Москва 1978, с. 178–188.

⁴ В.Г. Белинский, *Собрание сочинений в 13-ти томах*, т. 7, [б. м. и г. изд.], с. 272.

*В гражданстве северной державы, В ее воинственной судьбе,
Лишь ты воздвиг, герой Полтавы, Огромный памятник себе.*

Иногда славянизмы являются одним из основных речевых средств придания торжественности и возвышенности общему речевому тону. Это касается таких стихотворений, как *Памятник*, которое своеобразно перекликается со знаменитой одой Горация *Ad melpomena* и державинским произведением под тем же названием (*Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный*). Вслед за Державиным и под его влиянием Пушкин прославляет значимость творческого „я”, активно используя архаичную лексику: *столи* – „колонна”, *язык* – „народ” и др.; старославянизмы: *доколе*, *сущий*, *прах* и т. д.; церковнославянский облик слова: *воздвиг*, *вознесся*, *восславил* (глаголы с приставкой *воз-*) и т. д.

Употребление Пушкиным высоких славянизмов было связано и с необходимостью создания высокого стиля, характерного для классицизма, хотя даже в этом случае „высокий жанр Пушкина-лицеиста мало похож на высокий жанр русского классицизма”⁵. Примеры одического стиля можно найти, прежде всего, в его знаменитых *Воспоминаниях о Царском Селе*, наиболее ярко представляющих указанные стилистические особенности. Здесь автор использует многообразные и характерные для классицизма языковые средства. Он подбирает соответствующие „высокие” лексемы: *град*, *прах*, *зрак*, *глад* и др.:

*Утешься, мать градов России, Воззри на гибель пришлеца...
Все рушат, все свергают в прах...
Москва, сколь русскому твой зрак унылый страшен...
Бегут – и в тьме ночной их глад и смерть сретают...*

Здесь же активно используются глаголы с церковнославянскими приставками *воз-*, *низ-* и др.: *воззреть*, *вострепетать*, *нисходить* и т. д.

*Возрев вокруг себя, с восторгом росс вещает.
В могилу мрачную нисходят непрестанно.
Вострепещи, Тиран!
В гордыне, возмечтав мечом низвергнуть троны?*

Высокий стиль создается у Пушкина и подбором особых синтаксических средств, к которым необходимо отнести огромное количество обращений, однородных и обособленных членов предложения, авторских метафор и т. д.: „Страшись, о рать иноплемненных!”, „О, галлы хищные!”, „О страх! О грозны времена!”, „Презревший правды глас, и веру, и закон!”, „Не сель Минервы росской храм?” и т. д.

Однако собственно одических произведений, строго выдержанных в соответствующем стиле, в творчестве Пушкина немного. Сюда можно отнести

⁵ Г.О. Винокур, *Пушкин – родоначальник новой русской литературы*, Москва–Ленинград 1941, с. 537.

лишь несколько ранних произведений поэта типа *Безверие*, *Наполеон на Эльбе*, *Мордвинову* и др. Последнее стихотворение особенно выразительно в этом отношении, поскольку оно посвящено одному из „орлов Екатерины”, в связи с чем здесь можно обнаружить достаточно последовательное использование всех языковых средств, свойственных высокому стилю, и прежде всего – обилие церковнославянской лексики: *зеница* (*Он поднял к небесам и крылья, и зеницы*), *вотще* (*Мордвинов, не вотще Петров тебя любил*), *рамена* (*Один, на рамена поднявши мощный труд*) и т. д.

Но у Пушкина есть и нововведения, связанные с использованием славянизмов. Это прежде всего гражданская поэзия, определившаяся, по словам Г. О. Винокура, как „особый высокий жанр в последние десятилетия XVIII века”⁶. Основоположителем этого направления принято считать А. Н. Радищева. Дальнейшее развитие высокий одический стиль, выражающий гражданский революционный пафос, получил в творчестве именно Пушкина. Поэт увидел в церковнославянской стихии те средства, которые были ему необходимы для экспрессивно-эмоциональной оценки общественных событий России, для выражения идей нравственности и вольнолюбия. В некоторых произведениях он использует большую концентрацию славянизмов для создания торжественности и гражданского пафоса. Так, известное стихотворение *Пророк* изобилует как лексикой подобного типа, так и целыми библейскими фразами. Здесь и лексические славянизмы: *горний*, *содроганье*, *зеницы* и др. (*Перстами легкими, как сон, / Моих зениц коснулся он...*); и старые грамматические формы: *виждь*, *внемли*, *мудрыя* – род. пад. ед. числа и т. д. (*И жало мудрыя змеи / В уста замершие твои / Вложил десницею кровавой...*), и синтаксическое построение фраз с повторяющимся союзом „и” (*И их заполнил шум и звон; / И внял я неба содроганье, / И горний ангелов полет. / И дальней лозы прозябанье...*).

Славянизмы в некоторых произведениях А. С. Пушкина наполняются особым содержанием, он создает по образцу библейских устойчивых выражений собственные фразеологизмы, наполненные революционным смыслом, широко употребляет эмоционально окрашенные синтаксические конструкции. Например, в стихотворении *Кинжал*: „*Исчадь мятешей* подымлет злобный крик...”. Или в знаменитой оде *Вольность*: „*Тираны мира!* Трепещите! А вы, мужайтесь и внемлите! Восстаньте, падшие рабы!”.

Церковнославянская лексика может сохранять у Пушкина старые значения: *железы* – „оковы”, *позор* – „зрелище” и т. д. („куда ни брошу взор – / Везде бичи, везде *железы*, / Законов гибельный *позор*...”), она оформлена сугубо славянскими словообразовательными аффиксами, например, приставкой *воз-/вос-*: *воспеть* („Хочу *воспеть* Свободу миру...”), *воссесть* („В сгущенной тьме предрассуждений / *Воссела* – Рабства грозный гений...”), она, как правило, представлена в новом, переосмысленном значении. Так, слово „сво-

⁶ Там же, с. 538–539.

бода”, называющее в литературном языке XVIII – начала XIX века лишь независимое состояние человека, в пушкинских текстах уже является обозначением высшего общественного блага: „И станут вечной стражей трона / Народов *вольность* и покой!”.

Расширение и оригинальное стилистическое использование церковнославянизмов отмечается и в цикле пушкинских произведений на восточно-библейские темы. Новаторство Пушкина проявляется в том, что с помощью этой лексики автор создает своеобразный „восточный слог”, достигает передачи экспрессивного и экзотического стиля. Особенно выразительным в этом отношении является знаменитый *Бахчисарайский фонтан*, где значительная концентрация славянизмов используется и при описании убранства дворца, и при характеристике хана Гирейя:

<i>Играют волны, рдеют розы,</i>	<i>И вьются виноградны лозы</i>
<i>Сии надгробные столбы,</i>	<i>Венчанны мраморной чалмою...</i>
<i>И злато блещет на стенах...</i>	
<i>Гирей сидел, потупя взор;</i>	<i>Янтарь в устах его дымился...</i>

Активно используются церковнославянизмы и в *Подражаниях Корану*, поскольку Пушкин был знаком с известным переводом Корана, сделанным в свое время в библейском церковнославянском стиле⁷.

<i>И все пред бога притекут,</i>	<i>Янтарь в устах его дымился...</i>
<i>И нечестивые падут,</i>	<i>Покрыты пламенем и страхом... (III).</i>
<i>Взгляни: лег ты молод, а старцем восстал,</i>	
<i>Уж пальма истлела, а кладезь холодный</i>	
<i>Иссяк и засохнул в пустыне безводной... (IX).</i>	

В текстах стихотворений этого цикла активно используются лексические славянизмы: *вертоград*, *кладезь*, *стеязя*, *алкать*, *зеницы* и др., морфологические: *подъета*, *недвижна*, *древесна* и др., предлог *пред* с винительным падежом имени (*пред бога*), конструкции с союзом *и* в присоединительном значении и с повторами при однородных членах:

<i>И ветхие кости ослицы встают,</i>	<i>И телом оделись, и рев издают;</i>
<i>И чувствует путник и силу, и радость;</i>	<i>В крови заиграла воскресная младость... (IX).</i>

Обилие церковнославянизмов в приведенных текстах необходимо Пушкину для создания эпической плавности повествования восточных сказаний, а для этих целей указанная лексика подходила как нельзя лучше, поскольку ее своеобразная экзотичность и торжественность выгодно отличалась от повседневности и нейтральности обычной русской речи.

Церковнославянизмы были необходимы А.С. Пушкину и при создании произведений на исторические темы. Огромный интерес к русской истории

⁷ См. Б.В. Томашевский, *Пушкин*, кн. III, Москва–Ленинград 1961, с. 19.

выполняющего важную историческую миссию по отношению к будущему России:

*Еще одно, последнее сказанье – И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от бога Мне, грешному.*

Стиль приведенного монолога (с устаревшими синтаксическими конструкциями (*завещанный от бога*), величавый и бесстрастный, напоминает стиль древних русских летописей.

В диалоге с Григорием, рассказе об Иване Грозном и царе Федоре речь Пимена построена по образцу старых церковных назиданий и повествований, в которых славянизмы сочетаются с архаизмами, историзмами и монашеской лексикой :

*А сын его Феодор? На престоле, Он воздыхал о мирном житии
Молчальника Он царские чертоги Преобратил в молитвенную келью.
Там тяжкие, державные печали Святой души его не возмущали.
Бог возлюбил смирение царя.*

В тексте много лексических церковнославянизмов (*престол, чертоги, одр, муж, храма*), использована церковная форма греческого имени *Феодор*, образования со старославянскими приставками: *воздыхал, преобратил, ниспошлет* и др. „Церковнославянизмы, – писал В.В. Виноградов, – не проецируются на предметно-смысловой фон современного поэту литературного языка, а, напротив, несут с собой устарелые «древнерусские», проникнутые религиозным духом значения. Церковнославянская стихия служит поэту сокровищницей красок для воссоздания колорита эпохи, для придания повествованию тона «исторической торжественности»¹⁰. Это представлено прежде всего в словесном оформлении монологов царя. Так, первая публичная речь Бориса Годунова, связанная с венчанием на царство, построена в торжественно-приподнятых тонах:

*Ты, отче патриарх, вы все бояре, Обнажена моя душа пред вами:
Вы видели, что я приемлю власть Великую со страхом и смиреньем.
Сколь тяжела обязанность моя! Наследую могущим Иоанном –
Наследую и ангелу-царю! О праведник!
О мой отец державный!*

Богатый арсенал языковых средств придает монологам царя Бориса торжественный и древний характер. Славянизмы (*державный, власть, праведен* и др.) помогают почувствовать исключительность его власти как помазанника божьего, что было характерно для ситуации XVI–XVII веков в России.

Само собой разумеется, что церковнославянизмы превалируют в речи таких персонажей трагедии, как патриарх или священнослужители. „Стихо-

¹⁰ В.В. Виноградов, *Язык Пушкина*, Москва–Ленинград 1935, с. 138.

творная речь патриарха носит яркий отпечаток проповеди или церковного воззвания”¹¹, – писал В.В. Виноградов:

*Благословен всевышний, поселивший Дух милости и кроткого терпенья.
В душе твоей, великий государь; Напрасно я из кладезей святых.
Кропил водой целебной темны очи, Не посылал господь мне исцеленья.*

Приведенные речи произносятся в Царской Думе, что усиливает необходимость использования „высоких слов”, то есть славянизмов, для придания большей торжественности.

А.С. Пушкин использует в своей трагедии славянизмы и как средство речевой характеристики героев, поскольку здесь отсутствует движущий сюжет и именно язык занимает ведущие позиции. Для контраста можно сопоставить монологи Григория Отрепьева – монаха и Григория Отрепьева, выдающего себя за царевича Дмитрия. В первом случае речь Григория наполнена монастырской и профессионально-церковной лексикой:

*Успел бы я, как ты, на старость лет Произнести монашества обет,
От суеты, от мира отложиться И в тихую обитель затвориться.*

Во втором – речь Григория освобождена от религиозно-церковного колорита и насыщена „высокой лексикой: „Сыны славян! / Я скоро поведу / В желанный бой дружины ваши грозны! / Великий ум! / Муж битвы и совета!...”.

Речь персонажа приобретает историческую достоверность, поскольку она и в лексическом, и в стилистическом отношении становится предельно близкой тому времени, которое отражается в трагедии.

Новаторство Пушкина проявилось и в использовании церковнославянизмов как средства организации сатирического текста. Продолжая лучшие традиции авторов демократической сатиры XVII–XVIII в.в. (Аввакума, Ломоносова, Новикова и др.), Пушкин прибегает к принципу „сцепления резких семантических неровностей”, при котором „церковнославянизмы отрываются от своих предметных корней и перебираются в низменную, бытовую обстановку”¹². Например, в *Евгении Онегине*:

*И вот сосед велеречивый Привез торжественно ответ
Вотще ли был он средь пиров Неосторожен и здоров?
И Страсбурга пирог нетленный Меж сыром лимбургским живым.
И ананасом золотым...*

Столкновение книжной лексики с разговорно-бытовой достигает большей контрастности в случаях своеобразных „стилистических бросков”, когда автор дает характеристику лицу или явлению в сопоставительном аспекте. Например, в эпиграмме 1819 г.:

¹¹ В.В. Виноградов, *Из истории стилей русского исторического романа*, „Вопросы литературы” 1958, № 12, с. 125.

¹² В.В. Виноградов, *Язык Пушкина*, указ. соч., с. 177.

*Когда б писать ты начал сдуру,
Тогда б наверно ты пролез*

*Сквозь нашу тесную цензуру,
Как видишь в царствие небес.*

В.В. Виноградов назвал подобный прием „*принципом риторического переодевания церковнославянизма*”, поскольку здесь разрушен сам библейский текст, „который наполовину переводится на язык просторечия и служит средством риторического воздействия”¹³.

В эпиграммах же А.С. Пушкин использует прием семантической противопоставленности славянизмов в целях создания ярко выраженной антитезы. Например, *На графиню Орлову – Чесменскую*:

*Благочестивая жена
А грешною плотию*

*Душою богу предана,
Архимандриту Фотию.*

В эпиграмме *На Фотия* Пушкин удачно обыгрывает двойной смысл слова **благой**, которое, с одной стороны, использовалось с церковнославянским значением „*добрый, честный*” и с другой – с просторечным – „*глупый, дурной*”. (Ср. совр. фразеологизмы: *благие намерения*, но *кричать благим матом*).

*Пошли нам, господи, греховным,
Полу- благих, полу- святых...*

Побольше пастырей таких,

Иронический смысл в данном контексте приобретает и лексема **святой** благодаря своей составной части *полу-*.

Иногда авторская семантизация способствует созданию энантиосемии: узуальное значение слова скрепляется с окказионально-авторским, что реализуется в определенных контекстуальных условиях. Например, в *Истории села Горюхина*: „*Благородные, просвещенные французы / ...ознаменовали свое торжество достойным образом. / Они зажгли Москву*”.

Особую роль в художественном тексте играют церковнославянские префиксы: *вы-*, *воз-*, *из-* и др. Например, в эпиграмме 1816 г.: „*О вы, которые, Восчувствовав отвагу, Хватаете перо, мараєте бумагу...*”. Или в *Истории села Горюхина*: „*Занимаясь хозяйством, я не переставал тихонько **воздыхать** о прежней моей шумной и беззаботной жизни*” Пушкин специально заменяет нейтральный префикс *в-* стилистически маркированным *воз-*. В результате слово становится носителем отрицательной экспрессии.

Таким образом, высокая славянская лексика представляет в творчестве великого поэта живую, действующую и качественно новую стилистическую категорию. Для А.С. Пушкина церковнославянизмы – „*живой источник поэтической выразительности, ...из которого он с ростом своей поэтической индивидуальности, готов черпать все больше и больше*”¹⁴.

¹³ Там же, с. 87.

¹⁴ Л.А. Булаховский, *Русский литературный язык первой половины XIX века*, Киев 1957, с. 301.